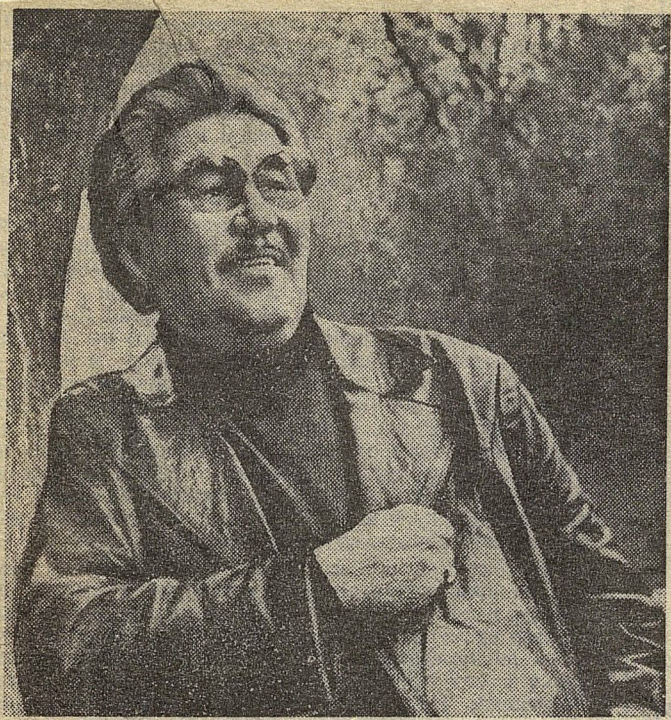

Штрихи к портрету Михаила Кильчицакова

ПРОСТЫЕ

ЗЕМНЫЕ

ДОРОГИ

Саяны... Саяны... «Центральная Азия. Могучие пики заоблачных круч... Хребты, возносясь в высоту нелюдимую, низаны будто на нитку незримую...» — вспомнились стихи Михаила Кильчицакова. Может быть, отголосок нашего совместного с ним путешествия. Может, картина, навеянная иным днем: Саяны — родина поэта, он знает их хорошо.

В хакасской литературе у Михаила Кильчицакова свое четко обозначенное, выверенное временем место.

«Творческая судьба его счастлива и завидна. Он был у колыбели письменной литературы своего народа, во всю силу своего дарования способствовал расцвету ее и совершенствованию. Ему вместе с другими зачинателями молодой литературы довелось принять участие в создании массовой лирической песни, пришедшей в советское время на смену традиционному таптаху. Он сумел внести весомый вклад в становление и развитие хакасской драматургии и театра...»

Так кратко и емко сказал о поэте его земляк филолог К. Антошин.

На дорогу самостоятельной жизни М. Кильчицаков выходил в начале тридцатых годов. То для Хакасии, как и для нашей страны, было временем крутых перемен. Край ковыльных степей, множеством курганных могильников как бы говоривший о своем захороненном прошлом, молчаливо пустынный потому, что его просторы словно топили в себе единого личного скотовода и пахаря, втягивался в стремительный круговорот экономических и социальных преобразований. Создавались колхозы, развертывалось широкое промышленное строительство. Начиналась новая страница истории хакасского народа, его культуры, искусства. Народные сказители, певцы-импровизаторы — хайджи, пронесшие через века память о далеком прошлом, о героических деяниях легендарных богатырей, теперь как бы передавали эстафету изустной летописи своего народа в руки исторической науки, письменной литературы, профессионального театра. Михаила Кильчицаков, тогда пастушествовавший в своем родном улусе Вершина Теи, затерянном в отрогах Саян, уже обрел славу юного хайджи: знал много преданий, любил петь сказания-таптахы под звуки чатхана, лихо плясал. Он жил и мучал в стихии устного народного творчества. И эта стихия наложила свой отпечаток на его мировосприятие и мироощущение. Наверное, потому поэтическая образность его стихов всегда подчеркнуто проста, близка складу народного мышления.

Баран безрогий
схож с овцой.
Вез мысли слово —
звук пустой.

Может быть, потому и обогащенный опытом мировой поэтической классики, к которой получил доступ через посредничество русского языка, он вложил много души в рубаи, афористические четверостишия — традиционную форму восточной поэзии, впитавшую в себя элементы народных пословиц, песенных частушек, таптахов.

Весна наступает — сердце мое
В тайгу меня манит,
о счастье поет.
Ах, если бы в жизни
встречать только весны,
Вовек бы не старилось сердце мое.

Юному хайджи посоветовали идти в Абакан: там открывался театр, собиравший под своей крышей все даровитое, все талантливое. Прошагав сто двадцать верст от своего улуса до деревянного, пыльного, но все равно казавшегося громадным Абакана, Михайла и пришел в театр, приветивший его.

Земные пути-дороги просты. Подошло время — и отправился на военную службу. В те годы уже громыли грозы, предшествовавшие второй мировой. На востоке — Хасан, Халхин-Гол! На западе — тоже пламя пожаров. Часть бросили на финский фронт, в бои вступить не успели — кончилась финская. Вернули часть назад, в Красноярск. Думал Михайла, что так и дослужит действительную. Но... Июнь сорок первого. Кадровая часть в первые же дни войны оказалась там, где фашистский вермахт наносил главный удар. — на западном направлении. Тогда еще не было гвардейских частей, не было ударных армий. И в те дни «сибирская» звучало как «гвардия».

После тяжелейшего ранения — четырнадцать месяцев госпиталя.

Есть у Михаила Еремеевича стихи, особенно ему дорогие, которые он включает почти во все свои сборники. Вот и в изданном недавно «Советской Россией» — «Старая лиственница» — они есть: «Живая кровь». Кто он, тот человек, кровь которого спасла солдата?

Мой брат, а может быть, — сестра?..

Голубоглаза, русоноса,
Была, мне помнится, она
В халате белом, как береза,
И величава, и стройна...
А может быть,

в меня когда-то
Втекла, спасение дая,
Кровь белоруса или бурята,
Литвинки, ненца, лопаря —
Не знаю!..

Простые земные дороги. Как привели они его однажды в аба-

канский театр, ставший потом родным домом, как привели его на ржевскую землю, которую полил он своею кровью, так потом, после войны, привели они его, молодого поэта, в Литературный институт имени А. М. Горького. И — сдружили с драматургией.

Студентом Литературного института он написал свою первую пьесу.

И в день своего шестидесятилетия, который Михаил Еремеевич недавно отметил, в Хакасском областном драматическом театре шла премьера его новой пьесы.

«Ожившие камни». Поэтическая легенда. М. Кильчицаков эту легенду не просто слышал, он ею жил. Конечно, можно было и поэтическим домыслом оживить бесстрастно-холодные факты истории, воссоздать страницу из далекого прошлого хакасского народа, принявшего российскую государственность. Но драматург мог опираться и не только на домысел. Он сам, своей судьбой, пережил глубинно сложный, развертывавшийся на новых высотах, в новых исто-

свои запахи, краски, могучие жизненные соки — бери!

И написались пьеса, простая, незамысловатая, песенная. Лирическая комедия. Поставил ее родной театр. Есть в ней герой, председатель колхоза, который так у себя дело поставил, что прямо к ногам приезжавшего инспектора ли, корреспондента ли, стоило тому войти в лес с ружьем, должна была падать подстреленная дичь. Заслуженный, уважаемый был человек в прошлом. Да вот подзазнался, потерял живые связи с окружающим миром. Теперь все больше специализируется на том, чтобы пыль пустить в глаза, обмануть. Высмеял драматург своего героя. Разоблачил его плутни. И — удивительно! Выехал на гастроли абаканский театр, показал спектакль. Тут же шум поднялся: «А прототипа-то нашли!» Да, нашли прототипа и... сняли с должности.

Но не в одной Хакасии смеялись над незадачливым Романом. В самых разных уголках страны: пришлась по душе зрителям веселая Тарика, героиня этой же пьесы. И жизнелюбивый, по-своему мудрый Оромай оказался близким людям разных, самых разных краев. Широко по стране шел «Медвежий лог». Перевели его на многие языки народов нашей страны. Десятки русских театров поставили. Красноярцы привозили в Москву...

Из Вершины Теи, родного улуса, что в предгорьях Саян, широко и привольно открываются степные дали. Когда юношей пел под чатхан и лихо отплясывал, когда потом играл Тишку и похожих на него героев — уже был знаком этой родной, этой своей земле. Но вот душу этой земли вложил в стихи, в песни, дал сказать о ней героям, которых вывел на сцену! И вдруг как-то особенно явственно, особенно широко ощутил, насколько же велика она, эта родная земля! Нет, не ограничивается она даже этими неоглядными далями, округленными синевой Саян, дымчатого далекого Кузнецким Алатау, Абаканским хребтом. Она же всюду, где твой радости — ее радости. Твои заботы — ее заботы. Твои герои — ее герои. Твои стихи, песни — ее стихи, ее песни. Населенная множеством народов, говорящая на разных языках и наречиях, она — вся твои! И если ее суровые годы — в суровости твоей судьбы, если ее раны — твои раны, то и ее сегодняшний, полный солнечной радости день — твой день.

Жизнь, несмотря на ее удивительность и многообразие, где-то в основах своих проста. Как прост перевал через самые высочайшие горы. Прост, обиден, пока дорога однажды вдруг не откроет, хотя бы через русло каменной реки-осыпи, всю необычность этого взбирающегося за облака, земного, руками человеческими сотворенного пути. Так все было простым для Михаила Еремеевича, когда он работал и над одной из первых своих пьес — над «Медвежим логом».

Война закончилась. Но она отзывалась еще в неуспокаивающихся, то и дело дающих о себе знать ранах. Уже позади несколько лет небывало напряженного труда: опять играл в театре, учился в пединституте, наверстывал упущенное, обретал необходимое. Понимал, чувствовал, что без знаний — никуда! Из педагогического перевелся в Литературный. Но вот и здесь учеба тоже заканчивается. Обретены новые навыки и приемы, индивидуальное мастерство построено рубанком общих художественных норм и законов. Родная хакасская земля, как лесная поляна в самую пору медосбора: готова отдать тебе все

Простые земные дороги. Сто двадцать верст из таежного улуса в Абакан. А разве только в Абакан? Не в новую жизнь?.. Несколько сот километров от ставшего родным областному городу до военного городка... Военный городок. Фронт. Какою дорогой дорог, с какими перепадами, отделяющими бытие от небытия, жизнь от забвения вечности, пролегла вот эта дорога?.. Чистая страница бумажного листа. На которой еще — ни слова, но над которой вдруг улыбнулся. Над которой увидел вдруг плутоватого Романа и мудрого колхозного пасечника, и веселых, родных тебе мыслями и душой ребят. Дорога творчества. Дорога, на которой особенно явственно вдруг видишь необозримость, бескрайность родной советской земли!

Дороги. Перевалы. Простые и необычные. Как проста и вместе с тем необычна человеческая жизнь.

Ванцетти ЧУКРЕЕВ